

Г. М. Бонгард-Левин, Г. А. Кошеленко

ОТ ИНДИИ ДО СКИФИИ

В последние века до нашей эры и всю первую половину I тыс. н.э. самую важную роль в развитии искусства Индии играли два крупнейших художественных центра: Гандхара и Матхура. Искусство этих центров является объектом пристального внимания и глубокого изучения специалистов уже более полутора столетий. Тем не менее, в мире художественных образов и Гандхары и Матхуры существует еще множество загадок и нерешенных проблем. В данной статье авторы поставили перед собой задачу попытаться найти решение одной из них.

Среди огромного количества произведений скульптуры Матхуры имеется несколько рельефов, резко отличающихся от остальных, не попадающих в рамки канонических иконографических схем буддийского, джайнского или индуистского искусств. Образы, представленные в них, в некоторых отношениях чужды основной массе произведений искусства, хотя, несомненно, выполнены из местного камня местными мастерами.

В Музее Лакнау хранится несколько фрагментов рельефов верхней части ограды ступы, по всей видимости джайнской¹. Происходят эти фрагменты из Канкали-тила. На одном из фрагментов среди других изображений (цветок лотоса, макара и т.д.) представлена также полиморфная фигура. Она несколько повреждена, но общий облик восстанавливается без труда². Верхняя часть фигуры человеческая: округлое лицо, ожерелье на шее, раскинутые в стороны руки, от локтей поднятые вверх, выделяющиеся груди, глубокое отверстие пупка. Начиная от бедер (здесь, правда, правая сторона бедра отсутствует) – змеиные изгибы ног, сочетающиеся с растительными мотивами (рис. 1, 1). Дж. Фогель называет эту фигуру тритоном, что не совсем верно, поскольку здесь, во-первых, нет признаков рыбы, а во-вторых, подчеркнута женская природа существа.

Еще более интересен другой фрагмент аналогичного назначения, хранящийся в музее Матхуры³. Плита разделена на несколько рельефных панно, отделяющихся один от другого вертикальными линиями. В одном из таких

¹ См. *Mitra D. Mathura. Early History // Jaina Art and Architecture. Published on the Occasion of the 2500th Nirvana Anniversary of Tirthankara Mahavira. V. I / Ed. A. Ghosh. New Delhi, 1974. P. 52 ff.*

² *Smith V.A. The Jain Stupa and Other Antiquities of Mathura (Archaeological Survey of India. New Imperial Series. T. XX). Allahabad, 1901. P. 28. Pl. XXIV; Vogel J.Ph. Catalogue of the Archaeological Museum at Mathura. Allahabad, 1910. P. 162. Pl. XXV; Smith V.A. A History of Fine Art in India and Ceylon from the Earliest Time to the Present Day. Oxf., 1911. P. 388. Pl. XC, f. C; Vogel J.Ph. La sculpture de Mathura (Ars Asiatica. XV). Paris – Bruxelles, 1930. P. 95. Pl. IX a; Agrawala V.S. A Short Guide-Book to the Archaeological Section of the Provincial Museum, Lucknow. Allahabad, 1940. P. 7. Fig. 15; Nehru L. Origins of the Gandharan Style. A Study of Contributory Influences. Delhi, 1989. P. 52. Pl. 96.*

³ *Vogel. La sculpture... P. 95–96. Pl. IXb.*

панно также представлено полиморфное существо (отбита верхняя часть головы). И в данном случае верхняя часть тела человеческая (женская, судя по форме груди), нижняя же состоит из двух змей, изгибами поднимающихся вверх. Оканчиваются они сверху передней частью тулова львиноголового грифона. Между ног и по бокам – пальметты (рис. 1, 2).

Наконец, из Бхутесара происходит еще один аналогичный рельеф (хранится в музее Матхуры)⁴. Он также делится на отдельные панели, как и предыдущий. Большую часть пространства занимают изображения львиноголовых грифонов (правда, названных в публикации Дж. Фогеля крылатыми драконами), на одной наполовину разрушенной панели (отсутствует левая часть) также имеется изображение уже знакомого нам полиморфного существа. Верхняя часть туловища человеческая, в сохранившейся левой руке изображение какого-то предмета, возможно чаши, нижняя часть – змеиная. Змеиное тело, изгибаясь, поднимается вверх и заканчивается колосом (рис. 1, 3).

Все эти изображения составляют гомогенную группу: они относятся к одному периоду (последние века до н.э. и первые века н.э.), для них характерна идентичная иконография: в едином образе соединяются человечьи и змеиные черты, добавляются растительные мотивы и иногда головы грифонов⁵. Число подобных изображений значительно больше, нежели приведено здесь. Авторы настоящей статьи видели еще несколько подобных фигур в запасниках музея Матхуры. Они, однако, не опубликованы, поскольку в последние десятилетия данные сюжеты, насколько нам известно, не привлекали внимания исследователей⁶.

Поскольку данный круг памятников не имеет близких аналогий в искусстве Индии, для решения вопроса о его характере необходимо привлечь более далекие параллели. Как нам кажется, решение вопроса находится достаточно далеко от Индии – на северных берегах Черного моря. Мы имеем в виду скифские древности. Уже было доказано, что скифское мировоззрение иногда демонстрирует поразительную близость к мировоззрению народов древней Индии, сохраняя черты, восходящие еще к эпохе индо-иранской общности⁷.

Скифы были одним из тех народов, которые особенно интересовали греческих и римских писателей. Даже спустя несколько веков после того, как скифы окончательно исчезли с исторической сцены, их имя продолжало жить и постоянно присваивалось новым пришельцам в южнорусские степи, образ жизни которых хоть сколько-нибудь напоминал скифский. Среди многочисленных свидетельств, оставленных нам античной традицией о скифах, особое место принадлежит тем, которые были записаны «отцом истории». Геродот, бесспорно, часть своей информации получил от греков, живших в ближай-

⁴ Ibid. P. 96. Pl. IXd.

⁵ Эти образы отличаются от тритонов (хотя старые исследователи их часто путают), а также от вяла-якши, которые имеют подчеркнутые мужские признаки, змеиная часть тела начинается от колен и т.п. (см., например, *Joshi N.P. Mathura Sculptures (A Hand Book to Appreciate Sculptures in the Archaeological Museum, Mathura). Mathura, 1966. P. 80. Pl. 7*). Традиционные для Индии изображения Нагов – божеств, имеющих змеиную природу, резко отличаются от приведенных выше изображений на рельефах. В иконографии Нагов отличительная черта, связывающая их со змеями, – «капюшон», как у кобры (иногда с головками змей на выступах «капюшона»). См., например, *Vogel J.Ph. Naga Worship in Ancient Mathura // Archaeological Survey of India. Annual Report. 1908–1909, Calcutta, 1912. P. 159–163*.

⁶ В литературе зафиксированы близкие изображения, происходящие из других районов Индии (см., например, *Singh B.C. Antiquities from Musanagar // Bulletin of Museums and Archaeology in Uttar Pradesh. 1970. № 5–6. Fig. 16*). Они, однако, требуют специального рассмотрения, поскольку авторы не имели возможности ознакомиться с ними *de visu*.

⁷ См., например, *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Изд. 2-е. М., 1983*.

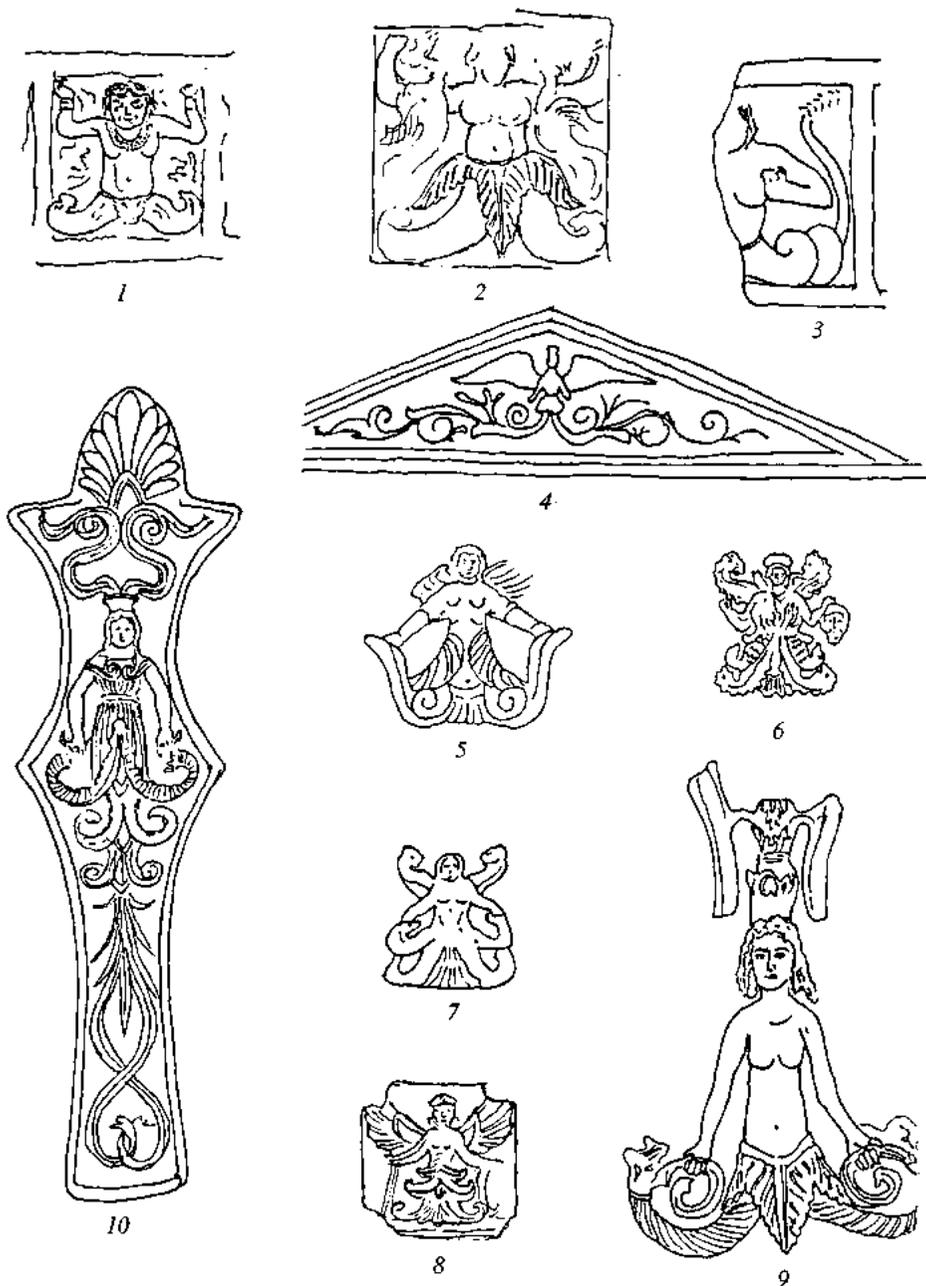

Рис. 1. Иконографическая схема: изображения змееподобной богини в Матхуре и Северном Причерноморье. 1 – рельеф из Матхуры (Канкали-тила, джайнская ступа); 2 – рельеф из Матхуры. Хранится в Музее Матхуры; 3 – рельеф из Бхутесара. Хранится в Музее Матхуры; 4 – фронтоны саркофага. Таманский полуостров; 5 – украшение саркофага. Керчь; 6 – золотая бляшка из кургана Куль-Оба; 7 – золотая бляшка из станицы Лабинской; 8 – бляшка из Херсонеса; 9 – акротерий из Пантыкалея; 10 – налобник из Цямбаловой могилы

шем соседстве со скифами и, видимо, их хорошо знавших. Возможно даже, что некоторые его данные основаны на аутопсии⁸.

Сообщения Геродота о скифах были предметом исследований нескольких поколений ученых. Среди этих сообщений особое внимание привлекали его рассказы о происхождении скифов, а также о происхождении царской власти и различных этнических (или социальных) групп в составе скифского народа. К вопросу о происхождении скифов Геродот обращался три раза. Одна из его версий может быть названа исторической, в ней он говорит о приходе скифов в причерноморские степи из глубин Азии. Две другие версии – мифологические. Их важность для понимания самых основных принципов скифского мировоззрения признана всеми исследователями. Облегчает анализ информации Геродота наличие ряда параллельных версий, поскольку об этом же писали и некоторые другие античные авторы, в частности Диодор Сицилийский. Некоторые достаточно важные детали содержатся также и в поэме Валерия Флакка «Аргонавтика». Наконец, имеется одно эпиграфическое свидетельство и значительное число произведений скифского (греко-скифского) искусства, которые, по мнению ряда исследователей, отражают в своеобразной форме идеи, содержащиеся в мифах.

Естественно, мы не будем пересказывать всю информацию источников, отметим только самое важное для нашей темы. Согласно всем мифологическим версиям, родоначальник скифов (или их первый царь) появился на свет от Зевса (Юпитера) или Геракла, с одной стороны, и полиморфного женского существа, с другой. В первой из версий этого события, сообщаемой Геродотом (IV. 5–7), которую он определяет как подлинно скифскую (но в точность ее не верит), прародителями скифов считаются Зевс и дочь реки Борисфена (Βορυσθένης τοῦ ποταμοῦ θυναιτέρα). От этого брака родился Таргитай, у которого, в свою очередь, было три сына. При них на землю с неба упали золотые предметы, которые смог взять только младший сын Колаксай. Он и стал первым царем скифов.

Вторая версия, согласно Геродоту (IV. 8–10), принадлежит грекам, обитавшим у Понта. Однако современные исследователи считают ее собственно скифской, хотя и подвергшейся эллинской обработке⁹. Здесь главными героями являются Геракл (возвращавшийся в Элладу после того, как он добыл коров Гериона), прибывший в землю, которая «теперь» (νῦν) занята скифами, а тогда никем не была заселена. Геракл вступает в связь с живущим в пещере (ἐν ἀντροῖς) существом женского пола, которое Геродот определяет как «полудеву и полугадюку» (μιξολάρθενόν τινα ἑχιδναῦ διφιέα), у которой «верхняя часть тела... была женской, а нижняя – змеиной» (τῆς τὰ μὲν ἄνω ... εἶναι γυναικός, τὰ δὲ ἔνερθε ὄφιός). В данном случае результатом брака стало рождение трех сыновей. Геракл, покидая скифскую землю, велел их матери подвергнуть испытанию сыновей, когда они вырастут: заставить натянуть его лук. Это смог выполнить только младший из сыновей – Скиф. Он и стал родоначальником скифов.

⁸ Жебелев С.А. Скифский рассказ Геродота // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л., 1953. С. 316–319.

⁹ Клиггер В. Сказочные мотивы в «Истории» Геродота. Киев, 1903. С. 100; Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921. S. 121; Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. XXXIV. С. 8 сл.; Толстой И.И. Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М. – Л., 1966. С. 234 сл.; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. С. 21.

В рассказе Диодора (II. 43) упоминается, что, по скифским преданиям (μυθολογοῦσι Σκύθαι), партнершей Зевса была «рожденная землей дева» (ἡγεμένη παρθένον), «у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя – от гадюки» (τὰ μὲν ἄνω μέρη τοῦ σώματος μέχρι τῆς ζώνης γυναικεῖα, τὰ δὲ κατώτερα ἐχίδνης). Сыном Зевса и этой «девы» стал Скиф, по имени которого получил название и его народ. В дальнейшем народ этот умножился, захватил огромные территории и отдельные части его стали называться саками, массагетами и т.д. Наконец, у Валерия Флакка (VI. 48–68) говорится о Юпитере и нимфе с «полузвериным телом» и «двумя змеями». Плод этого союза носит имя Колакс, что поразительно напоминает Колак-сая первой версии Геродота. Имеется также, как мы уже указывали, надпись римского времени (IG XIV. 1293 A) с описанием подвигов Геракла¹⁰. В ней упоминается и интересующий нас эпизод его жизни: «Переправившись отсюда [из Фракии] в Скифию, он в схватке победил Аракса и, вступив в связь с его дочерью Ехидной, произвел сыновей Агафирса и Скифа».

Исследователи многократно обращались к данному сюжету, но их главным образом интересовали потомки этого брачного союза: различные «скифские» этносы, первые скифские цари, а также информация о наследственных кастах и иных формах социальной организации общества¹¹. Образ же прародительницы скифов привлекал меньше внимания, отчасти потому, что его природа в источниках была выражена достаточно отчетливо. Несмотря на то что в каждом из рассказов отражена только часть ее свойств, все они непротиворечивым образом соединяются в одном образе¹². Эту нимфу, живущую в пещере, дочь реки Борисфена (или Аракса), имеющую частично человеческую, частично змеиную природу, можно воспринимать только как мифологическое воплощение «скифской земли», существо хтоническое и связанное со стихией воды¹³. Сочетание человеческих и животных (особенно змеиных) черт подчеркивает автохтонность данного персонажа. С точки зрения греческих представлений, такие полиморфные существа принадлежат древнейшему периоду земной истории, а змеиная природа (как, например, у Кекропа и Эрихтония) – ярчайший признак автохтонности.

Судя по контексту, в тех случаях, когда в текстах античных авторов употребляется термин ἐχίδνα, то имеется в виду змея-гадюка, а не личное имя Ехидна. Однако необходимо обратить внимание на то, что скифская нимфа является полной копией Ехидны, дочери Тартара и Геи, родительницы массы чудовищ (в результате брака с Тифоном). Ехидна также живет в пещере, она – наполовину нимфа, наполовину змея¹⁴. Видимо, подобному нюансу не надо придавать особого значения. Греки, как правило, свободно обращались с именами своих героев, достаточно, например, вспомнить их идеи о двух Гераклах и т.п.

Кажется установленным, что в скифском пантеоне, как он описан Геродотом, ехидна упоминается под именем Апи (Ἄπι, в ряде рукописей – Ἀπία) и

¹⁰ О ней подробнее см. *Ельницкий Л.А.* Из истории древнескифских культов // *СА.* 1960. № 4.

¹¹ *Benveniste E.* Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales // *Journal asiatique.* 1938. 230; *Грантовский Э.А.* Индо-иранские касты у скифов. М., 1960; *Dumezil G.* La société scythique avait-elle des classes fonctionnelles? // *Indo-Iranien Journal.* 1962. V. № 3; *Раевский.* Очерки идеологии... С. 19–80; *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985. С. 40 сл.

¹² *Раевский.* Очерки идеологии... С. 46–47.

¹³ *Граков.* Скифский Геракл...; *Толстой.* Черноморская легенда...; *Раевский.* Очерки идеологии... С. 47.

¹⁴ О ней см. *Hesiod.* Theog. 295–304; *Apollod.* II. 1. 2; 3. 1; 5. 10–11; III. 5. 8 и т.д.

сопоставляется с Геей¹⁵. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что это вывод современных исследователей, а не свидетельство Геродота. Сведения о «нимфе» и о составе скифского пантеона он явно получил из разных источников и в своем изложении не объединял два разных образа в один. Современные исследователи обращают внимание на то, что имя богини восходит к общеиранскому *ari*, означающему воду¹⁶. Очень важна ее роль в религиозных представлениях скифов. Она олицетворяла землю и воду и являлась в силу этого подалельницей жизни, но в то же самое время была и грозным подземным божеством. На наш взгляд, она как прародительница скифов и их царей выступала и в роли той сакральной силы, которая даровала власть царям.

В связи с этим мы хотели бы указать на свое несогласие с одним из аспектов концепции Д.С. Раевского¹⁷. Д.С. Раевский анализирует целый ряд произведений греко-скифского искусства (воронежский серебряный и кульобский электровый сосуды, а также серебряный сосуд из Гаймановой могилы) и находит в них отражение этого скифского мифа¹⁸. Основным содержанием его было почитание младшим из братьев символов царской власти от скифского Геракла — Таргитая. Однако данная схема не согласуется с содержанием мифа, в котором состязание братьев за власть происходит после ухода Геракла. Поэтому вручать символы власти должна была их мать — змееногая богиня. Необходимо в связи с этим напомнить один из эпизодов мифа, переданный во втором рассказе Геродота (на что обычно не обращается внимание). Богиня, обсуждая с Гераклом будущую судьбу своих сыновей, говорит: «Я одна владею этой страной» (ἡ ἑώρα τῆσδε ἔχω τὸ κράτος αὐτῆ) (Herod. IV. 9). Таким образом, естественным источником царской власти должна быть богиня, а не Геракл-Таргитай.

Д.С. Раевский осознает эту слабость своей позиции и пытается объяснить, почему богиню в рельефных сценах на скифских культовых сосудах заменяет мужской персонаж. Однако эти объяснения не выглядят убедительными. Все свои построения автор создает, оставаясь в пределах мифа и его прямых аналогий, но в данном случае основывается на внешних по отношению к мифу соображениях, таких как патриархальная природа скифского общества, что не позволяет женскому божеству быть сакральным источником царской власти. Думается, что подобные аргументы не бесспорны. Можно предполагать, что анализируемые Д.С. Раевским сцены воспроизводят какое-то другое или какие-то другие события, отраженные в скифских мифах или эпосе.

Насколько мы знаем, первоначально скифское искусство не знало изображений божеств, во всяком случае в антропоморфной форме¹⁹. Только позднее, видимо, под влиянием своих соседей-греков скифские божества стали приобретать антропоморфный облик²⁰. Для нас «ответственность» греков за эту трансформацию представлений о божестве не подлежит сомнению. Доста-

¹⁵ Brandenstein W. Abstammungssagen der Scythen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1953. Bd 52. S. 189; Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 2. Скифо-сарматское время. Л., 1961. С. 66; Раевский. Очерки идеологии... С. 46.

¹⁶ Nyberg H.S. Die Religionen des Alten Iran. Lpz, 1938. S. 254; Грантовский. Индо-иранские касты... С. 7; Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. P., 1962. P. 148; Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965. S. 159; Раевский. Очерки идеологии... С. 46.

¹⁷ Раевский. Очерки идеологии... С. 30 сл.

¹⁸ Возможно, в какой-то связи с рассматриваемым мифом находится изображение змеи, натягивающей лук, на резном камне из одного из курганов Юз-обы (возле Керчи), датированного второй четвертью IV в. до н.э. (Ваулина М.П. Деревянный саркофаг из кургана Юз-оба // Культура и искусство античного мира. Сб. ст. Л., 1971. С. 62).

¹⁹ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918. С. 55.

²⁰ Артамонов. Антропоморфные божества... С. 59.

точно сравнить искусство собственно скифов, имевших прямые и давние контакты с греками, и искусство «скифоидных» племен, обитавших дальше на восток и не имевших с ними таких контактов, чтобы полностью признать справедливость этого тезиса. Необходимо также обратить внимание на временной фактор. Первые достаточно тесные контакты между скифами и греками причерноморских колоний относятся к VI в. до н.э., а антропоморфные изображения у скифов, насколько мы можем судить, появились только в IV в. до н.э. Таким образом, прошло примерно полтора столетия, прежде чем идея о возможности антропоморфного изображения божества стала находить отклик в скифском обществе. Геродот весьма категоричен в этом отношении. Он пишет о том, что скифы ни одному божеству *θύλάματα δὲ καὶ βωμοὺς καὶ ὑπόθεσ οὐ νομίζουσιν ποιεῖν* – «не имеют обыкновения ставить кумиры, алтари и храмы» (IV. 59 – перевод В.В. Латышева). Единственное исключение – Арес, но и он представлен в символической форме в виде акинака (Herod. IV. 62).

Даже в период, когда идея антропоморфности божества была в той или иной степени усвоена и существовали их изображения, их трудно идентифицировать. Античные авторы дают так мало сведений о внешнем виде и функциях божеств, что, даже имея изображение, в большинстве случаев бывает очень трудно понять, кто именно там представлен²¹. Единственным исключением является именно эта богиня, поскольку ее иконография достаточно четко определена описанием Геродота и других авторов.

Известно несколько ее изображений²². Важно то обстоятельство (отмеченное Б.Н. Граковым), что они известны во всем скифском ареале: в Приднепровье, Крыму, на Кубани. Изображение на золотом наноснике, датирующемся IV в. до н.э., из кургана Цимбаловой могилы на Нижнем Днепре, является самым лучшим с художественной точки зрения²³. Змееногая богиня, изображенная на нем, одета в стилизованную одежду, на голове у нее калаф с вырастающей из него пальметкой. Нижняя часть изображения, начиная от бедер, состоит из трех пар змееобразно изогнутых отростков, заканчивающихся головами львиного грифона, орлиного грифона и змеи. Характерной особенностью изображения из Цимбаловой могилы является то, что змеиные тела соединяются с растительными побегам (рис. 1, 10). Кажется, полная аналогия данному предмету была найдена и при раскопках кургана Толстая Могила²⁴. Очень близкое, но несколько более упрощенное изображение имеется и на серебряном блюде из кургана Чертомлык²⁵, а также на бляшке из станицы Лабинской²⁶ (рис. 1, 7).

Похожий образ представлен на бляшке из кургана Куль-оба²⁷. Нижняя часть женской фигуры состоит из двух пар змееобразных ног, заканчивающихся го-

²¹ Например, большинство исследователей считают, что мужская фигура на навершии, найденном на Лысой горе около Днепропетровска, изображает Папая (скифского Зевса) (см., например, Артамонов. Антропоморфные божества... С. 75–76; Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М., 1971. С. 82–83. Рис. на с. 84), но Д.С. Раевский (Очерки идеологии... С. 44) это отождествление решительно отвергает.

²² Шелов Д.Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. XXXIV; Раевский. Очерки идеологии... С. 276; Граков. Скифы... С. 85. Табл. XIV а–г.

²³ Артамонов. Антропоморфные божества... С. 65–66. Рис. 9; Граков. Скифы... Табл. XIV г; Schiltz V. Les Scythes et les nomades des steppes. VIIIe siècle avant J.-C. – Ier siècle après J.-C. P., 1994. Fig. 136.

²⁴ Мозолевський Б.М. Товста могила. Київ, 1979. С. 38. Рис. 23.

²⁵ Артамонов. Антропоморфные божества... С. 68. Рис. 13.

²⁶ Шелов. К вопросу... С. 67.

²⁷ Артамонов. Антропоморфные божества... С. 66–67. Рис. 10.

ловками львиных грифонов и змей, пространство между ними занимает колос. Из плеч поднимаются крылообразные отростки с головками рогатых грифонов на концах. В одной руке богиня держит нож, в другой – человеческую голову (рис. 1, б). Тот же образ зафиксирован и в кургане станицы Ивановской на Кубани, также датированом IV в. до н.э.²⁸ У некоторых других изображений богини мы, помимо змей внизу, видим также змей, выходящих из плеч, что кажется очень важным Д.С. Раевскому²⁹.

Необходимо указать, что образ змееногой богини (хотя иногда и в несколько измененной форме) проник и в искусство греческих городов Северного Причерноморья. Во время раскопок некрополя Херсонсса была обнаружена золотая бляшка с изображением крылатой женской фигуры с тремя парами завитков и пальметтой вместо ног. Руками она держит концы стеблей или змей, вырастающих из нижней пары побегов³⁰ (рис. 1, 8).

Но особенно популярен был этот образ на Боспоре. Здесь он, кажется, нашел даже свое воплощение в монументальной скульптуре³¹, но чаще всего встречался в декоре саркофагов³², что хорошо согласуется с хтонической природой богини (рис. 1, 4). На фронте деревянного саркофага, найденного в кургане, входившем в состав некрополя Гермонассы³³, видимо, изображена рассматриваемая нами богиня. Однако в ее иконографии имеются определенные отличия: вместо соединения змеиных тел и растительных побегов здесь только растительные побеги, хотя и полностью повторяющие традиционную схему. Кроме того, над плечами у нее – крылья (?). Датирован саркофаг второй половиной IV в. до н.э. В склепе № 3 кургана Большая Близница (Таманский полуостров), датированом последними десятилетиями IV в. до н.э., был найден саркофаг, украшенный резными фигурками из слоновой кости. Среди этих фигурок есть несколько («около десяти») изображений богини, очень похожих на те, которые только что описывались³⁴. Имеется еще одна аналогичная по типу, но вырезанная из дерева фигурка на датированом первыми веками нашей эры саркофаге из окрестностей Керчи³⁵ (рис. 1, 5), и аналогичная фигурка сохранилась на одном из саркофагов (первые века н.э.) из некрополя Нимфея³⁶.

Самым поздним изображением данной богини являются два аналогичных акротерия³⁷, найденных в Пантикапее, представляющих уже знакомый нам образ³⁸. Один из них – очень хорошей сохранности, другой сильно поврежден.

²⁸ *Анфимов Н.В.* Золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 129. Рис на с. 127.

²⁹ *Раевский.* Очерки идеологии... С. 27. Однако нам кажется, что он ошибается, на самом деле так представлены крылья.

³⁰ *Артамонов.* Антропоморфные божества... С. 67–68. Рис. 14.

³¹ *Харко Л.П.* Фрагменты фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // *СА.* 1941. VII. С. 81 сл. Правда, сам автор считает, что на рельефе изображена сцена убийства гигантов Гераклом, но М.И. Артамонов (*Антропоморфные божества... С. 67*) полагает, что в данном случае представлена змееногая богиня.

³² *Артамонов.* Антропоморфные божества... С. 68. Рис. 12.

³³ *Соколовский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. № 12. С. 22–24. Табл. 6, 4; 9, 1.

³⁴ Там же. № 26. С. 39. Табл. 21.

³⁵ Там же. № 101. С. 66–67. Табл. 37, 6. В тексте, однако, не упоминается.

³⁶ *Жижина Н.К.* Комплекс гипсовых рельефов из земляного склепа некрополя Нимфея и вопросы реконструкции декора боспорских деревянных саркофагов римского времени // *Труды Гос. Эрмитажа. XXVIII.* Культура и искусство античного мира. СПб., 1997. С. 158.

³⁷ Иногда утверждается, что таких акротериев – три (*Марченко И.Д.* Об акротериях Пантикапея // *Сообщения ГМИИ имени А.С. Пушкина. Вып. 7.* Культура и искусство Боспора. М., 1984. С. 68).

³⁸ *Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 180–181. Рис. 68; *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1977. Рис. 135; *он же.* Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 358. Рис. 241.

Статуи на акротериях изображают змееногую богиню, на которой змеи сочетаются с растительными побегам, листья аканфа оканчиваются пятилепестковыми розетками. По мнению некоторых исследователей, статуи-акротерии должны датироваться III в. н.э. (рис. 1, 9). Если это предположение справедливо³⁹, то мы должны будем признать, что культ этой богини существовал в Северном Причерноморье практически непрерывно всю древнюю эпоху: от прихода скифов в южнорусские степи и почти до гибели здесь греческой цивилизации.

Важным обстоятельством является четко прослеживающаяся эволюция образа богини: от полностью змеиной нижней части к такой, где сочетаются змеиные и растительные мотивы, и, наконец, к такому образу, где растительные мотивы только напоминают змей. Точно так же важно и появление крыльев у изображения богини. Можно высказать предположение, что это направление эволюции приводит к изображению богини, где она уже полностью лишена змеиных черт и о ее прошлом напоминает только растение в руках (как, например, на знаменитом ковре из Пазырыка⁴⁰). Наконец, последний этап – изображение, полностью лишенное не только змеиных, но и растительных элементов (знаменитая сцена на ритоне из Мерджан)⁴¹. Конечно, на данном этапе исследования это предположение является только гипотезой, но, с нашей точки зрения, достаточно правдоподобной.

Приведенные материалы, как нам кажется, доказывают очень близкое «родство» между данным кругом памятников и приведенными в начале статьи изображениями из Матхуры. Естественно, мы не думаем, что существовали какие-либо прямые связи между этими двумя регионами, которые имели бы своим результатом появление в Матхуре образов, типичных для скифской религии и искусства. Мы можем предложить следующее объяснение. Мирозрение и вообще культура среднеазиатских ираноязычных кочевников – саков или массагетов – бесспорно были очень близки скифским⁴². При этом особенно важным нам представляется следующее наблюдение: в информации о змееногой скифской богине, сохраненной античными авторами, имеются прямые указания на более восточные регионы, нежели собственно Скифия. В рассказе Диодора (II. 43) события, приведшие к рождению Скифа, отнесены к глубокой древности. Дальнейшая история его народа – завоевания и разделение единого народа на собственно скифов, саков, массагетов и т.д. Таким образом, змееногая богиня у Диодора – «общее достояние» всех этих народов. Кроме того, у Диодора имеются еще более прямые указания на восточные регионы: «первоначальные» скифы были соседями индийцев, жили у реки Аракс, границами первых завоеваний на западе была река Танаис (Дон)⁴³. Античные авторы часто путали три реки, называя их одним именем Аракс: современный Аракс, Волгу и Амударью⁴⁴. Все они находятся много восточнее Борисфена, о котором Геродот говорит в своей первой версии. Точно так же в нашем эпиграфическом источнике тоже присутствует Аракс, дочерью которого является Ехидна. Данный вариант дает иные географические координаты, нежели

³⁹ Предлагается и другая дата: I в. до н.э. – I в. н.э. (Марченко. Об акротериях... С. 65).

⁴⁰ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. – Л., 1953. С. 339. Табл. LXXXVIII, XCV; Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 168. Табл. 65, 8, 10. Необходимо, конечно, учитывать, что данный ковер – не местная работа.

⁴¹ Артамонов. Антропоморфные божества... С. 62. Рис. 6.

⁴² Раевский. Очерки идеологии... С. 123–132.

⁴³ Б.Н. Граков, с нашей точки зрения, совершенно справедливо сравнивал эту версию с «исторической» версией Геродота (Скифский Геракл... С. 9).

⁴⁴ Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 284.

первая версия Геродота, но суть остается прежней – женский персонаж является дочерью реки, но не Борисфена, а Аракса.

Можно полагать, опираясь на эти соображения, что у среднеазиатских кочевых ираноязычных народов существовало божество, аналогичное скифской Апи. Однако оно не находило своего пластического выражения, поскольку здесь не было греков и их влияния на культуру и особенно религиозные представления кочевых народов. Оседлые же народы Средней Азии в этот период также сохраняли аниконические традиции.

Только после походов Александра Македонского создались условия для синтеза религиозных и религиозно-художественных идей, подобного тому, который мы видели в Северном Причерноморье. У нас есть некоторые доказательства того, что синтез греческих и кочевнических концепций в обоих регионах проходил аналогичным образом и приводил к сходным результатам. Таким доказательством, с нашей точки зрения, является поразительная близость двух произведений явно религиозного характера из этих регионов: в Северном Причерноморье – акротерия с так называемой фигурой аримаспа, датируемого III в. до н.э. (хранящегося в Государственном Эрмитаже)⁴⁵ и в центральноазиатском регионе – двух рельефных пластин из некрополя Тилля-тепе, датируемых, по всей видимости, периодом от 50 г. до н.э. по 50 г. н.э., на которых изображен так называемый «правитель с драконами»⁴⁶. В обоих случаях в центре композиции находится фронтально поставленная мужская фигура в длинном одеянии, по обе стороны от нее – хищники кошачей породы с рогами. «Хозяин зверей» в обоих случаях держит этих хищников. Различия сказываются только в частности (самое основное, с нашей точки зрения, – это большая связанность тиллятепинских пластин с художественными приемами кочевнического искусства).

Дальнейшее развитие искусства в этом регионе проходило в достаточно сложных условиях. С одной стороны, уже в конце III в. до н.э. греки уступили Согдиану кочевникам, но, с другой, после, примерно, 180 г. до н.э. греки из Бактрии, перейдя Гиндукуш, начали широкие завоевания в Индии. В сферу их завоеваний попал и район Матхуры. В течение второй половины II в. до н.э. греческая власть в районах к северу от Гиндукуша была уничтожена. В I в. до н.э. среднеазиатские кочевники начали завоевательные походы в Индию и к концу этого века последние греческие анклавы на территории субконтинента оказались сокрушенными. На обширных территориях Северной и Центральной Индии установилась власть кочевнических правителей. Матхура после греков оказалась под властью кочевников саков (шаков). Наконец, Матхура вошла в состав Кушанской державы. Все это время, несмотря на политические пертурбации, культурные взаимодействия между различными народами не прекращались. При этом кочевники несли с собой не только свое собственное искусство, но и искусство, уже подвергнувшееся синкретизации, в той или иной степени проникнутое греческими идеями и образами.

Для нас важно отметить, что эпиграфические и нумизматические данные свидетельствуют о длительном господстве здесь династии сакского происхождения⁴⁷. Культурное влияние саков было весьма значительным и сказывалось

⁴⁵ Марченко. Об акротериях... С. 67. Рис. 8.

⁴⁶ Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985. P. 24, 231. Pl. 44–48.

⁴⁷ Chattopadhyaya B.D. Mathura from Sunga to the Kusana Period: An Historical Outline // Mathura. The Cultural Heritage / Ed. D.M. Srinivasan. New Delhi, 1989. См. также Mac Dowall D.W. The Context of Rajuvula the Satrap // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. T. XXV. Fasc. 1–4.

во многих сферах жизни⁴⁸. Видимо, и те произведения искусства, о которых мы говорили в начале статьи, являются результатом этого греко-кочевнического синтеза, принесенного на почву Индии. В поддержку нашего тезиса свидетельствуют археологические находки, сделанные в районах, где проходили саки. К их числу можно отнести бронзовые монеты Гиппострата – одного из последних индо-греческих царей, правившего, по О. БоPEARаччи, примерно в 65–55 гг. до н.э. в Гандхаре⁴⁹ (на одной из серий его бронзовых монет (№ 12) имеется на лицевой стороне изображение змееногой богини в фас⁵⁰). О. БоPEARаччи, правда, определяет этот тип как изображение «морского чудовища». Однако очень большое иконографическое сходство с изображениями из Северного Причерноморья заставляет думать, что здесь представлена змееногая богиня. Кроме того, несомненно, здесь изображена женщина – на это указывает рисунок груди. Необходимо отметить, что Гиппострат царствовал тогда, когда в этом регионе уже присутствовали саки: Мауэс непосредственно предшествовал Гиппострату, а Азес I правил сразу после этого индо-греческого царя. Интересна и халцедоновая инталья (хранится в Британском Музее), повторяющая в значительной мере монету Гиппострата⁵¹. Имеется несколько мелких отличий, еще сильнее подчеркивающих то, что здесь изображена именно змееногая богиня: еще отчетливее показана грудь, а окончания змеиных тел выполнены в виде трилистника, а отнюдь не рыбьего хвоста (как у тритонов), на поясице изображена пальметка, как у большинства воспроизведенных змееногой богини. Наконец, изображения змееногой богини в Гандхаре проникли и в монументальное искусство. Такова каменная декоративная архитектурная деталь, датируемая I в. н.э., хранящаяся в Британском Музее. Внутри цветка лотоса изображена женская фигура с ногами в виде змеиных тел. В отличие от строго фронтальных изображений из Матхуры здесь богине придан сложный поворот: голова в профиль, тело в три четверти⁵².

Если верны наши предположения, то, исходя из общей схемы эволюции образа, мы можем попытаться понять смысл изображений на поясных пластинках статуи Шастаны (или Масштаны), происходящей из знаменитого кушанского династийного святилища в Мате (район Матхуры)⁵³. На центральной пластине там изображена, кажется, змееногая богиня⁵⁴, а на двух соседних – обращенные к ней всадники в кочевнической одежде. В рамках данной гипотезы вся сцена может быть истолкована как своеобразная реплика сцены из Марджан, правда, с удвоением всадников и более архаическим обликом самой богини – символа власти. Таким образом, кажется, есть основания предпола-

⁴⁸ Lohuizen-de Leeuw J.E. van. Foreign Elements in Indian Culture Introduced during the Scythian Period with Special Reference to Mathura // Mathura. New Delhi, 1989.

⁴⁹ Boppearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. P., 1991. P. 126.

⁵⁰ Ibid... Pl. 66, 10, H, I, J.

⁵¹ Callieri P. Seals from Gandhara. Foreign Imports and Local Productions // Archives et sceaux du monde hellénistique / Ed. M.-F. Boussac, A. Invernizzi (BCH. Supplement 29). P., 1996. P. 414. Pl. 93, 2.

⁵² The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Cambr., 1992. P. 124. № 127.

⁵³ Vogel J.Ph. Explorations at Mathura // Archaeological Survey of India. Annual Report. 1911–1912 / Ed. Sir J. Marshall. Calcutta, 1915. P. 125–126. Pl. LV; *idem*. La sculpture... P. 92. Pl. 3; Agrawala V.S. Catalogue of the Mathura Museum // The Journal of the Uttar Pradesh Historical Society. V. XXIII. Pl. 1–2. 1950. P. 72, № 212. Эта статуя вызывала много вопросов, поскольку надпись на ней очень сильно повреждена. Чаще всего Шастану идентифицировали с известным шакским сатрапом Каштаной, правившем в Уджайне около 130 г. Подробнее см. Rosenfield J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkley – Los Angeles, 1967. P. 145–146. Fig. 3.

⁵⁴ Обычно эта фигура определяется как тритон, но, как мы уже отмечаем в отношении сходных фигур, подобное определение вряд ли справедливо.

гать, что некоторые особенности в развитии искусства Матхуры явились результатом влияний со стороны кочевого мира евразийских степей.

FROM INDIA TO SCYTHIA

G. M. Bongard-Levin, G. A. Koshelenko

The article presents an analysis of several images in Mathura art, particularly those of a goddess with serpent-like legs. They are often called tritons, which is completely wrong. These images are quite rare. To understand them, the authors turn to the religion of nomadic Iranian peoples who inhabited Eurasian steppes. The analysis of information offered by ancient authors (especially Herodotus) and that of Greek-Scythian art leads to the conclusion that a goddess with serpent-like legs is a chthonic deity symbolising the Scythian land itself. There are reasons to assume that a similar goddess was also present in the pantheon of Saka who brought this character to India. The pieces of art with the same character found in Gandhara could be an intermediate stage between Mathura and the nomadic world.

© 2004 г.

В. А. Гаилов

МАРГИАНСКАЯ БУЛЛА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЦАРЯ-ВСАДНИКА*

В ходе раскопок городища Гебеклы, находящегося на северо-западной окраине Мервского оазиса (Туркменистан), было выяснено, что этот населенный пункт существовал на протяжении трех исторических периодов: ахеменидского (время культуры Яз-III)¹, парфянского и раннесасанидского вплоть до конца IV в. н.э.² Первый и второй периоды обживания разделяло значительное время. Вся северная часть оазиса тогда была покинута людьми. Жизнь здесь возродилась, видимо, только в I в. н.э., когда парфянские власти предприняли огромные усилия по новому освоению севера оазиса. В это время здесь было основано значительное число новых населенных пунктов.

Именно тогда на руинах укрепленной усадьбы периода Яз III был построен большой дом, а пространство вокруг было окружено крепостной стеной с четырьмя башнями по углам и одной башней у входа, расположенного в середине южной стены. Не входя сейчас в описание центрального здания, отметим только, что оно представляло собой сочетание жилых покоев хозяев его, складских помещений и комнат, где обитал обслуживающий персонал. При раскопках в ряде помещений и коридорах было найдено значительное число глиняных булл, несущих оттиски печатей. С помощью булл опечатыва-

* Данная статья подготовлена в рамках проекта 03-06-80130 РФФИ.

¹ Новиков С.В., Новикова О.Г., Кошеленко Г.А. Слои эпохи Яз III на Гебеклы-депе // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1994. № 6. С. 69–76.

² Кошеленко Г.А., Никитин А.Б. Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы-депе // Бюллетень МАИКСА. Вып. 18. М., 1991. С. 5–18.